

2017 Том 10 No. 56

Соколова Е.Т. Нарушения ментализации в клинической и культурной парадигме Л.С.Выготского

СОКОЛОВА Е.Т. НАРУШЕНИЯ МЕНТАЛИЗАЦИИ В КЛИНИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЕ Л.С.ВЫГОТСКОГО

English version: [Sokolova E.T. Mentalization disorders in clinical and cultural Vygotsky's paradigm](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

В культурной ситуации транзитивности применение междисциплинарной методологии позволяет интегрировать концепции и методы смежных наук, многообразие языков описания и интерпретаций изучаемого явления, открывает для реинтерпретации феномены, относящиеся к области клинической психологии. В статье, представляемой читателю, предметом теоретического пересмотра выступают известные в клинике пограничных личностных расстройств нарушения социального познания. Ментальная репрезентация, ментализация понимается как форма социального познания, позволяющая воспринимать, представлять в воображении, эмоционально относиться, придавать смысл и причинность происходящему в субъективном мире – своем и другого человека. Ментализация предполагает интеграцию как контекстуальных факторов, материальных или физических аспектов ситуации и поведения, так и внутренних субъективных переживаний, убеждений, целей и интенциональных состояний в качестве репрезентативных побудителей того или иного поведения. В оптике культурно-исторической концепции и методологии Л.С.Выготского дается новая интерпретация клинических феноменов дефицита ментализации, представлено понимание трансформации ее структуры и функций как следствия утраты субъектом интерпсихических социальных связей и распада интрапсихической организации сознания, нарушения его системного строения, сужения и упрощения характера межфункциональных связей и интрапсихической «морфологии». В результате этой двойной деструкции связей онтогенетически ранние и примитивные формы ментализации, «отщепляясь», изолируются и начинают приобретать доминирующее положение в психическом функционировании. Процесс ментализирования регрессирует к своим докатегориальным и когнитивно-аффективно недифференцированным уровням и структурам (синкретической и комплексной организации), разворачиваясь непроизвольно и бессознательно, теряя смысловую связность, символическую опосредствованность и направленность на понимание субъективного мира – своего и Другого. Бессознательная подмена психической картины внутреннего мира импульсивными действиями, ипохондрическими и нарциссическими фиксациями, аутистическим псевдоментализированием и манипулированием лишены полноценного и полнокровного диалога с Другим. Утрата социальных связей (интерпсихической коммуникации), непосредственной обращенной к Другому речью-диалогом, интериоризуется в «немоту» внутреннюю – утрату не только понимания других, но прерывание осмысленного внутреннего и «оречевленного» диалога с самим собой, самопонимания.

Ключевые слова: междисциплинарная методология, расстройства ментализации, культурно-историческая теория, Л.С.Выготский, синкретическая организация, комплексная организация, псевдоментализация

Возрастание сложности, противоречивости организации культурного целого составляют отличительную черту современного общества транзитивности с его гибридностью, мозаичностью и многослойностью, готовностью к широкомасштабным изменениям, ценностью индивидуального своеобразия и личной автономии, высокой толерантности к разнообразию культурных контекстов и в целом – к ситуации неопределенности. В новой культурной ситуации научное исследование требует применения множественности парадигматик, междисциплинарной методологии, открытой для реинтерпретации устоявшихся классических теорий, готовой к интеграции с концепциями и методами смежных наук, толерантной к многообразию языков описания и интерпретаций изучаемого явления.

В неклассической парадигме самоидентичность не мыслится вне процесса взаимодействия с другими людьми, определенной культурной ситуации, места и времени; именно «через» других мы становимся самими собой. Сама способность субъекта полагать свое Я, мир субъективности Другого в качестве объекта исследования предполагает сложнейшее взаимодействие и переплетение эмоциональных и рефлексивных процессов, требует гибкой децентрации с Я на позицию воображаемого другого человека, достижимых только в особом виде межличностной коммуникации, диалоге-«встрече» с Другим как с равноправным и равноценным человеческим существом (М.Бубер, М.Бахтин). Восприятие меня другим необходимо для самоосуществления, поскольку благодаря Другому и его «избыточному» видению, моему осознанию открываются переживания, мысли и чувства, весь окружающий мир в его недоступной мне одному полноте. Таким образом, пространство «между» Я-Другой, пространство совместно-разделенной интерсубъективности и «коллективной интенциональности» рассматривается как «место», где разворачивается «триангулярный» процесс производства взаимных ментальных репрезентаций [Томаселло, 2011]. Важным источником понимания психологических механизмов разного рода ошибок и неточностей, возникающих в процессах индивидуального и группового социального познания, являются клинические феномены нарушения ментализации, реинтерпретацию которых мы представим ниже, опираясь на одно из направлений культурно-исторической психологии Л.С.Выготского.

Ментальная репрезентация, *ментализация* понимается как форма социального познания, позволяющая воспринимать, представлять в воображении, эмоционально относиться, придавать смысл и причинность происходящему в субъективном мире – своем и другого человека. Ментализация предполагает интеграцию как контекстуальных факторов, материальных или физических аспектов ситуации и поведения, так и внутренних субъективных переживаний, убеждений, целей и интенциональных состояний в качестве репрезентативных побудителей того или иного поведения [Бейтман, Фонаги, 2014]. Ментализация реализуется посредством эмоционального отношения и когнитивной интерпретации, ее полноценное функционирование основано на сочетанном и иерархически выстроенном единстве психических процессов. Настаивается также [Там же], что большинство психических расстройств в качестве своего центрального нарушенного звена будут иметь дефицит способности эмоционально-включенно воспринимать, представлять и интерпретировать субъективный опыт себя и другого, в то же время именно пограничное личностное расстройство отличает грубая дезинтеграция системы репрезентаций Я-Другой и диффузия идентичности. Неявно, но допускается, таким образом, что ментализация имеет системное строение, она развивается в онтогенезе в процессе коммуникации матери и младенца, хотя, по-видимому, имеет и врожденные предпосылки; устойчива и пластична одновременно; может временно частично нарушаться или полностью блокироваться при психической патологии, в особых состояниях сознания или в ответ на травматическое воздействие средовых факторов; она способна к восстановлению – спонтанно или в специально организованном психотерапевтическом взаимодействии [Там же].

Культурно-исторический подход к пониманию структуры и функций ментализации

Ментализация и ее трансформации (снижение, искажение мотивации, отказ от ментализирования или использование в целях манипуляции) в оптике культурно-исторической концепции Л.С.Выготского рассматриваются нами как феномены, опосредованные своего рода культурными «извращениями» мотивов и смыслов человеческого общения, высокой ценностью контролирующих, властных и манипулятивных отношений и дегуманизацией отношений в целом. В качестве клинического феномена нарушения ментализации будут проанализированы в нескольких перспективах: как

генетически различные «слои» психического функционирования самосознания; в качестве прементализационных стадий его развития; как временные или стабильные снижения уровня когнитивно-смыслового опосредствования ментализирования в кризисных или особо травматичных ситуациях межличностного общения. Здесь мы последуем методологическому принципу Л.С.Выготского исследовать сложившиеся психологические образования в их становлении, «превратить вещь в движение, окаменелость – в процесс... для чего исследователю приходится переделывать автоматический, механизированный, омертвевший характер высшей формы и возвращать ее историческое развитие вспять...» [Выготский, 1983а, с. 100]. Генетический метод психологического анализа, по мысли Выготского (*via* Хайнц Вернер), позволяет изучать не только сами патологически измененные структуры «как вещи», но именно со стороны процесса, реконструируя историю их становления, и тем самым открывает новые «геологические пласты» в истории культурно-исторического развития высших психических функций [Там же. С. 95].

«Вначале 1930-х гг. Л.С.Выготского интересовали не столько механизмы социальной медиации, сколько тот внутренний план, который формируется в процессе интериоризации культурных способов поведения», – отмечает Е.Ю.Завершнева [Завершнева, 2015, с. 62]. Именно в этот период в понимании генеза и психологических механизмов развития психопатологии центральная роль отводится Л.С.Выготским распаду понятийной системы, значений и смыслов, вследствие чего режим функционирования психической жизни снижается до примитивных уровней комплекса и синкрета, что, в свою очередь, кардинально перестраивает все отношения человека с миром. С «упрощенностью» и своего рода деградацией познавательной системы в целом связывался и качественно новый характер взаимоотношений между аффективными и когнитивными процессами – с одной стороны, и всей системой отношений Я к действительности – с другой. Так, при шизофрении, писал Л.С.Выготский, «распадаются сложные системы, аффекты возвращаются к первоначальному примитивному состоянию, теряют связь с мышлением:... аффекты начинают изменять его мышление, его мышление есть мышление, обслуживающее эмоциональные интересы и нужды» [Выготский, 1982а, с. 126]; и затем, в статье «Нарушение понятий при шизофрении» указывает еще более определенно: «изменения личности и сознания действительности при шизофрении непосредственно вытекают из соскальзывания мышления со ступени понятий на ступень комплексов» [Выготский, 1956b, с. 494]. Вследствие распада и дезинтеграции системной организации всей психической жизни в единстве познавательных, эмоциональных и коммуникативных процессов разрушаются межфункциональные связи, отдельные уровни системы «отщепляются», изолируются и трансформируются в гипертрофированные в своей структуре, не подлежащие опосредствованию и сознательному контролю дисфункциональные (патологические) психические процессы, живущие теперь по законам уровневой организации низшего порядка, в качестве своих натуральных предшественников.

На первый план, таким образом, выступает проблематика, непосредственно связанная с исследованием развития и распада понятий, речевого мышления, динамики «смыслового поля» сознания, акцентируется роль значения в качестве медиатора становления культурных форм психического. Также Выготский интегрирует современные ему идеи гештальтпсихологии К.Левина и ряд положений биогенетической системной концепции дифференциации Х.Вернера [Выготский, 1983а, с. 115], давая им новую интерпретацию внутри культурно-исторической психологии. «Расчленение и дифференцированность психической жизни, – писал Л.С.Выготский, – обеспечивают богатство способов восприятия действительности, которыми располагает личность» [Там же. С. 241].

Ментализация в оптике культурно-исторической психологии

В своих исследованиях мы также отталкивались от этого ракурса культурно-исторической психологии: изучение феноменов нарушения микроструктуры («морфологии») и функций репрезентации себя и Другого (ментализации) представлено в парадигме дифференцированности-интегрированности когнитивных и аффективных процессов как направления системного психического развития и его дизонтогенеза в психической патологии [Werner, 1957; Witkin et al., 1974; Выготский, 1983а, с. 116; Соколова, 2011, 2015]. Указывая на необходимость учета характера связи аффективных и познавательных процессов в качестве критерия индивидуального развития личности, Выготский предлагает, по сути, и структурно-функциональную модель психопатологии. «В определенном смысле, – пишет он, – существует функциональная эквивалентность между высокой

степенью дифференцированности личности и большей подвижностью личности в отношении определенных ситуаций и задач» [Выготский, 1983b, с. 241]. В свете этих идей мы и представим ниже наше понимание трансформации структуры и функций ментализации как результата нарушения ее системного строения, сужения и упрощения характера межфункциональных связей и интрапсихической «морфологии». Онтогенетически ранние и примитивные формы ментализации, «отщепляясь», изолируются и начинают приобретать доминирующее положение в психическом функционировании, а сам процесс ментализирования регрессирует к прементализационным уровням, разворачиваясь непроизвольно и бессознательно, что наблюдается в измененных состояниях сознания, психической патологии, но также встречается и при осмыслении событий обыденной жизни.

Прементализационные формы субъективности как результат распада понятийной опосредованности и структурной организации сознания

Наиболее яркими чертами дефицита ментализации по типу *психической эквивалентности* считается снижение режима ее функционирования, что проявляется в избыточной конкретности и ригидности в понимании психических состояний, в убежденности, что субъективные репрезентации абсолютно точно и однозначно отражают действительность, в неприятии альтернативных интерпретаций, в отсутствии способности ставить под сомнение точность и границы собственных мыслей, в наполненности репрезентаций аффектами враждебности, идеализацией и манией величия [Бейтман, Фонаги, 2014, с. 39–41].

Синкретическая структура ментализации

В оптике культурно-исторической теории выделенная группа явлений представляется качественно неоднородной: включает феномены, относящиеся к разным структурным организациям и уровням регресса когнитивно-аффективной организации сознания, различающиеся по степени дифференцированности и символической опосредованности, эмоциональной инвестированности и понимания каузальных связей между интенциями и поведением – своим и других людей. Мы предлагаем рассмотреть внутри феномена психической эквивалентности два возможных варианта *снижения* уровня ментализирования. Так, при *синкретической* структуре ментализации доминируют неоформленность, диффузность и неупорядоченность множества впечатлений от наглядного восприятия себя и Другого, сплавленных в единый перцептивный образ примитивным аффектом, образ крайне неустойчивый и изменчивый под влиянием случайных впечатлений и сиюминутных эмоциональных состояний. Сошлемся здесь на мысль Л.С.Выготского, согласно которой в синкрете недостаток объективных связей (обязанных своим возникновением и развитием практике социальных отношений) замещается переизбытком субъективных связей, данных в непосредственном восприятии и эмоциональном впечатлении [Выготский, 1956а, с. 167]. В своих крайних патологических проявлениях в ментализации-синкрете психическое и реальность могут не различаться вовсе, ментальная реальность так же равна внешней реальности, как внешняя – внутренней, они выступают как *эквивалентные друг другу*; фантазии и иллюзии с легкостью проецируются вовне и принимаются за реально существующие объекты. Крайние формы синкретической организации ментализации отсылают к самым архаическим пластам сознания, когда собственно «психическое» как субъективное еще не выделилось из первично целостного слияния в психической репрезентации «психики-реальности», когда структура этого целого гомогенна, недифференцирована, что подразумевает отсутствие четких границ между объективным и субъективным, реальным и галлюцинаторным, слабое различение психологических границ себя и другого, собственных фантазий, представлений о Другом и реальных состояний этого Другого.

Подобный феномен диффузии встречается в измененных состояниях сознания, при крайней аффективной захваченности, в состоянии ПТСР-шока в виде мгновенного «отключения» способности осмысления травматического опыта (насилия, в частности), в процессе поэтического творчества; сознательно культивируется в некоторых религиозных практиках; при пограничной же личностной организации может свидетельствовать о психотическом уровне расстройства с нарушением тестирования реальности, слабым различением границ между инстинктивными фантазиями, галлюцинациями и реальностью, с некоторыми признаками «магического мышления» в понимании каузальных связей между своими желаниями и побуждениями и интенциональностью поведения

другого человека. Синкретическая форма прементализации может быть понята также как следствие распада системной организации психического, как регресс в функционировании всей системы сознания на самый онтогенетически ранний «низший» и «примитивный» уровень, соответствующий «натуральной» и допонятийной организации сознания в целом. В этом режиме функционирования реальное и фантазийное, непосредственное восприятие «зрительного поля», сенсомоторное мышление и первичные аффекты существуют в слитности, синкретическом и недифференцированном единстве *переживания*, когда в сознании Я презентует себя и объективную реальность (и Другого) не как отдельные сущности, отличные от собственных галлюцинаций, а как недифференцированное целое («пра-Мы», «одно тело, одна душа на двоих»). Эту форму сознания, следуя Выготскому, можно отнести к его «зародышевой» довербальной форме, области «пограничной» между вербальным сознанием и предсознанием, где в нерасчлененном примитивном целом слиты сознание и предсознательное, «первичные» и «вторичные» процессы могут хаотически смешиваться, а границы между ними с легкостью «проницаемы», аффекты «летучи», не избирательны в выборе объекта инвестирования и находятся в абсолютной зависимости от инстинктивных телесных стимуляций и сенсомоторной активности. Во взаимоотношениях аффективных и когнитивных процессов нет упорядоченности и равновесия: при почти тотальном доминировании грубой и произвольно не регулируемой аффективности, последняя подчиняет себе все познавательные процессы и превращает их в обслуживание аутистических нужд, так что воображаемое и реальное неотличимы друг от друга, а воображаемое легко превращается в остро переживаемое реальное. Доминирует бессознательная аффективная установка «за» или «против» себя или Другого, доступно только самое простейшее структурирование сознания на «хорошее» и «плохое», базовое доверие / недоверие. Заметим, что синкретическая структура ментализации довольно широко представлена в современных культурных стереотипах, например, в уверенности, что «мысль материальна», а «читать человека можно как книгу», в предпочтении симбиотических отношений («одно тело, одна душа на двоих»). Внутри же целостной ментализационной структуры синкрет создает ресурс интуитивного и чувственно-эмоционального мировосприятия.

Комплексная структура ментализации

Этот вид ментализации, продолжая функционировать еще в модусе эквивалентности, по сравнению с синкретической, все же свидетельствует о движении к большей структурированности и дифференцированности психической структуры, к преодолению «бессвязной связности» и хаоса синкретической формы мышления [Выготский, 1956а, с. 168]. Уже становится доступным переход к объединению и обобщению, интеграции отдельных репрезентаций себя и Другого не на основе только субъективных связей и эмоциональных впечатлений, но и на основе объективных связей, с учетом опыта реального взаимодействия, что знаменует начало открытия своей субъективности и автономного мира переживаний другого человека. Здесь начинает преодолеваться эгоцентризм, полностью царивший на предшествующей стадии. Вместе с тем, комплексная структура мышления налагает и ряд ограничений на возможности функционирования ментализационных процессов в качестве основания для самопонимания, самоидентификации и репрезентации субъективности – своей и другого человека. «В основе комплекса, – подчеркивал Л.С.Выготский, – лежат фактические связи, открываемые в непосредственном опыте» [Выготский, 1956а, с. 169], что применительно к пониманию микроструктуры ментализации, ее «морфологии», к соотношению в ней понятийного, абстрактно-логического и эмоционального компонентов означает доминирование конкретно-фактического способа установления связей между отдельными частными и случайными репрезентациями. В рамках своей *комплексной организации* ментализация будет ограничена связями и отношениями, устанавливаемыми непосредственно в практически-действенном опыте общения с Другим и на основе наглядно-конкретного и образного мышления. Поскольку, по мысли Л.С.Выготского, «комплекс фактически сливается с конкретными предметами, входящими в его состав и связанными между собой» [Там же, С. 175], он представляет скорее «мертвый зеркальный слепок с действительности» и не отражает сложность и «текучесть» мира психического по сравнению с миром предметным. При распаде понятийной организации сознания и регрессе к уровню комплексного мышления ментализирование попадает в ловушку крайностей: с одной стороны, «связанность» наглядной ситуацией и исключительная опора на практическую деятельность будут означать ограниченность ментализационных представлений рамками конкретной ситуации, частных репрезентаций себя и Другого и упрощенность каузальных связей. С другой же стороны, комплексной ментализации из-за недостатка обобщения и «сужения» смыслового поля не хватает и структурной

устойчивости: она способна превратиться в диффузию, неопределенное и хаотическое нагромождение отдельных репрезентаций-впечатлений о себе и другом. Далее, это означает доминирование ситуативно окрашенных парциальных и конкретных образов, функционирование которых обусловлено прагматическими мотивами и текущим моментом, сиюминутными интересами и эмоциональными состояниями. Человек, чьи представления о себе и Других организованы по комплексному типу, избыточно укоренен в своей бытийной и чувственно переживаемой ситуации, чрезмерно зависим от актуальных эмоциональных состояний и прагматических интересов, не может помыслить Другого вне собственных интенциональных состояний, автономно и во всей полноте присущих Другому индивидуальных особенностей и инаковости. Иными словами, *комплексная ментализация* себя и Другого «привязана» к конкретной ситуации и потому парциальна, парадоксальным образом может быть *и* ригидна, *и* изменчива, недостаточно дифференцирована от аффектов и перцепции, интегрирована на основе допонятийного обобщения, в силу чего – когнитивно упрощена, «алекситимична». Вместе с тем такая ментализация и «пристрастна», противоречива, ввиду недостаточной дифференцированности от потребностных состояний, «слитности» с ними, а потому эгоцентрична и подвержена «летучим» эмоциональным влияниям, можно сказать, *полезависима* – как от внешней конкретной ситуации, так и от внутренних побуждений субъекта, который «не свободен» по отношению к окружающей действительности и собственным аффектам, не может стать над ними [Самухин и др., 1934, с. 116; Зейгарник, Биренбаум, 1935; Биренбаум, Зейгарник, 1935]. Для функционирования ментализации-комплекса будет характерна крайняя выраженность полезависимости, сужение возможностей выхода за пределы наличного, эмпирического, непосредственно данного, в том числе путем его творческого преобразования, воображения, мечты, когда к миру субъективного можно только приближаться, но никогда не быть уверенным в его окончательном понимании. Снижение уровня функционирования ментализации будет препятствовать антиципации будущего, метафорической реконструкции недостающего, утраченного и тем самым существенно снизит восстановительные ресурсы личности, стабилизируя состояние хронического «эмоционального голода», постоянной неудовлетворенности и поиска немедленного удовлетворения мотиваций, слитых с инстинктивными желаниями в симбиотической связи с Другим. Низкая дифференцированность и недостаток средств рефлексивного анализа проявятся в неспособности подмечать тонкие различия и мыслить себя и Другого в процессе развития и изменения (особенно в сфере социальных отношений и самовосприятия), в «дихотомичности», недialeктичности познания в целом и непереносимости эпистемологической неопределенности.

На синдром ментализационной дефицитарности обращали внимание многие авторы, работающие как в психодинамической модели объектных отношений, так и в рамках иных парадигм. Так, по мнению некоторых из них, основное когнитивное повреждение при пограничных и психосоматических расстройствах личности состоит в недостаточной доступности для них процессов символизации и смыслообразования [Балинт, 2002; Макдугалл, 2007]. Следствием этого «базисного дефекта» становится своеобразная конструкция внутреннего мира, который заполнен конкретными событиями, но ему недостает «ментальности» – размышлений, идей, фантазий, ассоциаций и метафор, смыслов и эмоциональной наполненности [Segal, 1991; Орбан, 1998]. В свете этого специфического когнитивно-эмоционального дефекта можно понять известную ментализационную «бедность» – когнитивную недифференцированность пограничных и психотических пациентов в психологическом понимании своего душевного мира и мира других людей. Присущий им способ познания, миропонимания и отношения французские психоаналитики называют «оперативным мышлением» [Марти, де М'Юзан, 2000], подчеркивая тем самым его узость и прагматичность; это крайне упрощенный и статичный стиль познания себя и Другого. Ментализационным процессам, основанным на комплексном характере мышления, не достает также динамической «текучести» и гибкости в конструировании аффективной жизни, что проявляется в непонимании принципиальной незавершенности познания Другого – субъект не приемлет неопределенности познавательной ситуации, нетерпим к альтернативным вариантам понимания переживаний и интенций Другого, кроме как базирующихся на поведении и очевидных причинно-следственных связях. Ментализация, построенная на основе комплексного мышления, может рассматриваться, таким образом, как своего рода *промежуточная* форма, по своей структуре и способу функционирования пограничная между натуральной и культурной психической функцией, которой еще не хватает символической опосредованности, осознанности и произвольности.

Нарушение целенаправленности и смыслообразующей функции ментализирования

Обратимся теперь к другому аспекту процесса ментализирования, а именно – к тому, как проявляют себя в *движении* эти прементализационные примитивные структуры, как мы показали, имеющие синкретическую и комплексную организацию. Отличия должны выявиться, если проследить функционирование этих структур в контексте коммуникации, в возможности сотрудничества с Другим на основе доверия и «интерсубъективной интенциональности» [Томаселло, 2011].

Для описания следующей пестрой группы феноменов Петер Фонаги использует термин *псевдоментализация* (*pretend*– притворная, мнимая, «как бы...»), воображаемая ментализация), подчеркивая тем самым ее близость онтогенетически ранним формам детской игры «понарошку», детского притворства и неосознанной лжи, когда фантазия отщеплена от фактической ситуации. Между тем феномены детского притворства и псевдоментализации только по видимости идентичны, но глубоко различаются по природе мотивационных и коммуникативных механизмов. Л.С.Выготский, в отличие от психоаналитически ориентированных авторов, полагал, что начальные этапы детской игры не столько оторваны от реальности, сколько, напротив, избыточно укоренены в ней: «...ребенок способен к движению в смысловом поле, но его движение не свободно, оно повторяет движение в реальном поле и всегда опирается на внешнее средство» [Выготский, 2001, с. 68]. Ребенок с игрушками «творит» буквально все то же самое, что хотел бы сделать с реальными объектами – этой же позиции, кстати, придерживалась Мелани Кляйн, «мама» британской ветки «психоанализа отношений». Феномен же псевдоментализации связан с принципиальными извращениями цели и мотива процесса ментализирования, возникающими исключительно в ситуации близкого и эмоционально насыщенного общения и бессознательно создающими хаос, коммуникативные тупики, двойные ловушки, обуславливая неудачи терапевтического вмешательства [Анзье, 2005; Соколова, 2015]. Укажем несколько признаков дисфункции ментализационных процессов, когда последние утрачивают направленность на искреннее и истинно заинтересованное внимание к другому человеку с целью его более точного и полного понимания, созидания общих целей и сотрудничества. Функции псевдоментализации претерпевают отклонения от своего предназначения в нескольких направлениях.

Фокусировка исключительно на собственном аутистическом внутреннем мире и «отсутствии» Другого. Речь идет, прежде всего, о навязчивом и упорном ментализировании о себе, своем окружении, но этот процесс разворачивается внутри мира замкнутых на собственных переживаниях и фантазиях или *квазиментализациях*. Для них на одном полюсе характерен эгоцентризм и аутистическое мышление, в то время как на противоположном полюсе – обостренная уязвимость этой примитивной формы, легко доступной для «слияния» собственной фантазийно-аутистической конструкции с образом Другого. В силу полного «отщепления» от эмпирического опыта место ментализации займет безжизненный, «девитализированный», крайне схематизированный образ, лишенный подлинной глубины и переживаемой эмоциональности, мало имеющий общего с в плоти и крови существующим Другим, здесь-и-теперь присутствующим в отношениях. При этом субъективные схемы, отражающие собственные желания, убеждения, априорные концепции, настолько прочно отделены (точнее – отщеплены) от эмпирически наблюдаемых, ситуационно-контекстных, что создается впечатление как будто в реальном общении с другим человеком субъект не испытывает нужды, он «и так точно знает, что думает и чувствует» этот Другой. Абстрактные построения, аутистические значения и символы здесь берут верх над объектами реальности в виде эмпирического Другого как живой плоти социального познания. Если комплексный характер ментализации отражает крайнюю зависимость от окружающей реальности, а в синкретическом варианте – полное слияние с ней (эквивалентность), то в псевдоментализации реальность и субъективность отщеплены друг от друга до такой крайности, что субъект живет в своей внутренней вымышленной реальности абсолютно замкнуто и «сверхполнезависимо» от эмпирической реальности Другого. Психологический смысл подобного «отклонения» от нормальной цели ментализирования можно объяснить, исходя из понимания функции бессознательной защиты нарциссически-грандиозного Я с помощью сверхидеализации Я и обесценивания Другого от встречи с неопределенной и пугающей реальностью внутреннего мира другого человека. Отсутствие «взгляда со стороны» и «отвязанность» репрезентативного мира от реальности лишает и ментализирование о самом себе источников проверки столь жестко-ригидных «теоретических» построений. В своих крайних формах псевдоментализация свидетельствует об измененном состоянии сознания,

психотическом уровне расстройства. Аффективная тупость, замкнутость, интеллектуальный распад, спутанность всего поведения находят свою структурную связь с разрушением социальных связей: «...прекращение контакта с внешним миром, – писал Л.С.Выготский, – означает одновременно прекращение того специфического контакта с самим собой, который лежит в основе нормального функционирования личности» [Выготский, 1956b, с. 496]. Утрата социальных связей (интерпсихической коммуникации), не опосредствованной обращенной к Другому речью-диалогом, интериоризуется в «немоту» внутреннюю – утрату не только понимания других, но прерывание осмысленного внутреннего и «оречевленного» диалога с самим собой, самопонимания. При крахе усилий жить в режиме притворства и неудачах в установлении близких межличностных отношений, выстроенных на основе вымышленных представлений о себе и Другом, возможны бессознательные поиски защитных «убежищ» в мистицизме, религиозности, оккультизме и других паранормальных культурных практиках, которые, однако, не способны заполнить внутреннюю эмоциональную и смысловую пустоту.

Второй вид искажения мотивации ментализирования также связан со смещением его смысла и целенаправленности, только «фокусом» понимания себя и Другого становятся сугубо конкретные, телесные, физиологические или поведенческие манифестации как *факты действительности*, и только одни они и могут служить основаниями для крайне упрощенных и «усеченных» репрезентаций. В психотерапии этот эффект проявляется в виде сужения возможностей конструктивного изменения внутренних ментальных репрезентаций и настоятельном требовании от терапевта «действенных» и «фактических» доказательств эффективности терапии, профессионализма терапевта, его искренности, заинтересованности и «любви», побуждая (манипулируя и принуждая) к нарушению терапевтических границ, к непосредственным сексуальным действиям. Удовлетворенность межличностными отношениями (фитнесом, трансформацией тела) возникает, только если последние удостоверяются внешними, видимыми, «вещными» и прагматическими изменениями жизни – немедленно, «здесь и сейчас». Такие люди испытывают недоверие к словам и переживаниям Другого, но полагаются только на видимые факты, и если поведение других людей полностью отвечает их инфантильным нереалистическим и перфекционистическим проектам (из лягушки – в принцы), мечтам о любви, красоте, славе, мгновенном преображении внешности или судьбы. Возможности ментализации как символического способа репрезентации (и соответственно – изменения) субъективного здесь крайне ограничены, по своей структурной организации подобная ментализация близка синкретическому или комплексному, доментализационному уровню. Ее дисфункция находит выражение в замещении символизации импульсивным поведенческим или психосоматическим отреагированием («отыгрыванием»), в погружении в телесные ипохондрические или перфекционно-нарциссические фиксации, в самоповреждающем поведении, причем действия и телесные состояния не опосредованы значением, не выражены словом, довербальные пласты сознания-переживания «отщеплены» от смыслового. Эмоции, сопровождающие репрезентации себя и другого, «алекситимичны», когнитивно не опосредствованы, импульсивны, интенсивны и поляризованы по знаку.

Третий вариант отклонения мотивации ментализирования – злоупотребление ментализированием – представляет собой бессознательное использование ментализации в целях контроля или нанесения вреда другому лицу. Эта дисфункция становится возможной ввиду недостатка чувства субъектности, отчужденности ментализационного опыта от ценностей и нормативных представлений об автономной значимости субъективного мира Другого. «Внедрение» в мысли и чувства другого путем примитивного защитного механизма проективной идентификации дает ключ к пониманию манипуляции как коммуникативного насилия, блокирующего ментализационные процессы. Хронификация же психологического насилия – манипулятивного стиля родительского отношения или школьного буллинга – создает риск интериоризации в стойкие базовые дефициты ментализирования в качестве психологического «панциря» от субъективно невыносимых травматичных переживаний.

Можно предположить далее, что утрата способности психически представлять (а не механически действовать и стереотипно воспроизводить в памяти) эмоционально значимые события, символически (а не путем непосредственного отреагирования или всемогущего контроля) «контейнировать» и перерабатывать психотравмы является следствием хрупкости идентичности и недостаточности средств и способов внутренне автономной и сформированной системы символической саморегуляции. Ментализация путем манипуляции, различающаяся по уровню своей структурной организации, по способу функционирования будет находиться ближе к натуральной

функции, внешне организованной и целиком зависимой от нарциссически отзеркаливающего взгляда Другого, только и «использующегося», чтобы взять на себя функцию детоксикации враждебности и восполнения дефицитарности.

Заключение

Сформулируем некоторые промежуточные итоги теоретического изучения проблемы. Ментализация зрелого человека в своем развитии разворачивается к более дифференцированной, сложноорганизованной, когнитивно и символически опосредованной, аффективно равновесной репрезентативной системе, способной организовывать и «удерживать» противоречивый и эмоционально амбивалентный опыт отношений Я-Другой. Напротив, нарушения ментализационной структурно-функциональной системы обязаны механизму дедифференциации / дезинтеграции репрезентаций субъективного мира себя и Другого, превалирования или смещения крайностей синкретических и диффузных «слияний» желаний, аффектов и ситуаций и/или полного отщепления сверхабстрактных репрезентаций от чувственно переживаемой реальности мира людей.

Литература

- Анзье Д. [Anzieu D.] Парадоксальный трансфер. От парадоксальной коммуникации к негативной терапевтической реакции. В кн.: А. Жибо, А.В. Россохина (Ред.), Французская психоаналитическая школа. СПб.: Питер, 2005. С. 206–226.
- Балинт М. [Balint M.] Базисный дефект: Терапевтические аспекты регрессии. М.: Когито-центр, 2002.
- Бейтман Э., Фонаги П. [Bateman A., Fonagy P.] Лечение пограничного расстройства личности с опорой на ментализацию. Практическое пособие. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014.
- Биренбаум Г.В., Зейгарник Б.В. К динамическому анализу расстройств мышления. Советская невропатология, психиатрия и гигиена, 1935, 4(6), 75–98.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. В кн.: Избранные психологические исследования. М.: АПН, 1956а. С. 38–386.
- Выготский Л.С. Нарушение понятий при шизофрении. В кн.: Избранные психологические исследования. М.: АПН, 1956б. С. 481–495.
- Выготский Л.С. Сознание как проблема психологии поведения. В кн.: Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982а. Т. 1, с. 78–108.
- Выготский Л.С. О психологических системах. В кн.: Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982б. Т. 1, с. 109–131.
- Выготский Л.С. История развития высших психических функций. В кн.: Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1983а. Т. 3, с. 5–314.
- Выготский Л.С. Проблема умственной отсталости. В кн.: Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1983б. Т. 5, с. 231–254.
- Выготский Л.С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка. В кн.: Психология развития. СПб.: Питер, 2001. С. 56–79.
- Завершнева Е.Ю. Представления о смысловом поле в теории динамических смысловых систем Л.С. Выготского. Вопросы психологии, 2015, No. 4, 119–135.
- Зейгарник Б.В., Биренбаум Г.В. К проблеме смыслового восприятия. Советская невропатология,

психиатрия и психогигиена, 1935, 4(6), 57–74.

Макдугалл Дж. [McDougall J.] Театры тела. М.: Когито-Центр, 2007.

Марти П., де М'Юзан М. [Marty P., de M'Uzan M.] Оперативное мышление. В кн.: А.В. Россохин (Ред.), Антология современного психоанализа. М.: Институт психологии РАН, 2000. С. 327–325.

Орбан П. [Orban P.] О процессе символаобразования. В кн.: А.М. Боковиков (Ред.), Энциклопедия глубинной психологии. М.: MGM- INTERNA, 1998. Т. 1, с. 532–569.

Самухин Н.В., Биренбаум Г.В., Выготский Л.С. К вопросу о структуре деменции при болезни Пика. Советская невропатология, психиатрия и психогигиена, 1934, 3(6), 97–136.

Соколова Е.Т. Аффективно-когнитивная дифференцированность / интегрированность как диспозиционный фактор личностных и поведенческих расстройств. В кн.: Н.И. Чуприкова, А.Д. Кошелев (Ред.), Дифференционно-интеграционная теория развития. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 415–434.

Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015.

Томаселло М. [Tomasello M.] Истоки человеческого общения. М.: Языки славянской культуры, 2011.

Segal H. Dream, fantasy and art. London: Tavistok Routlege, 1991.

Werner H. Comparative psychology of mental development. New York, NY: Intern. Univ. Press, 1957.

Witkin H., Dyk R.B., Faterson H.F., Goodenough D.R., Karp S.A. Psychological differentiation. New York, NY: Basic Books, 1974.

Поступила в редакцию 3 октября 2017 г. Дата публикации: 23 декабря 2017 г.

[Сведения об авторе](#)

Соколова Елена Теодоровна. Доктор психологических наук, профессор, кафедра нейро- и патопсихологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: etsokolova@yandex.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Соколова Е.Т. Нарушения ментализации в клинической и культурной парадигме Л.С.Выготского. Психологические исследования, 2017, 10(56), 8. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Соколова Е.Т. Нарушения ментализации в клинической и культурной парадигме Л.С.Выготского // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 56. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1501-sokolova56.html>

[К началу страницы >>](#)